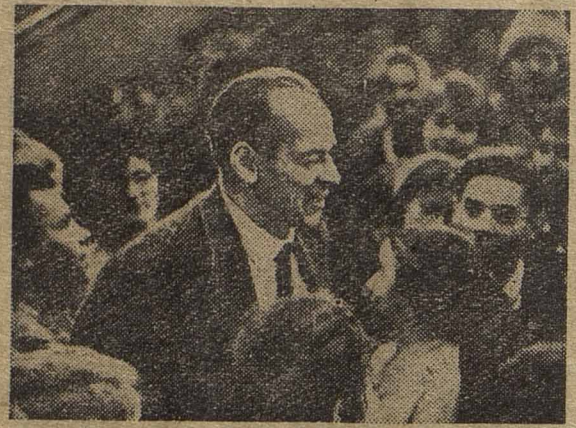
ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ
г. МОСКВА
23 СЕН 1966

СЛОВО ПРОЩАНИЯ



Этот снимок Николая Константиновича ЧЕРКАСОВА был сделан в ноябре 1963 года во Дворце культуры завода имени И. Лихачева. После просмотра и обсуждения фильма «Все остается людям» зрители еще долго не хотели расставаться с любимым актером.
Фото В. ШАГОВА

ПОМНЮ, как я впервые увидел его... Это было в 1925 году в Институте сценических искусств в Ленинграде, куда я поступил учиться и где Николай Черкасов был уже студентом четвертого курса. Он стоял в коридоре со своими друзьями — самый высокий и худой — и что-то им рассказывал, они смеялись, и он, человек удивительно открытый и естественный, сам хохотал громче всех.

С той первой нашей встречи до последней это впечатление редкой и счастливой жизнерадостности Николай Константинович всегда оставлял о себе. Его юмор был искрометным, свежим, он не покидал этого философа, бойца, романтика, гражданина даже в самой глубокой задумчивости. Он умел шутить так, что каждому становилось легко и весело от его слова, **умел дарить веселье.** Каждый в его присутствии чувствовал себя счастливым, радостным, не напрасно живущим существом.

А ведь уже тогда он был слаб здоровьем, чувство тревоги за него не оставляло нас, его товарищей, — и, может быть, самым высоким в общении с ним был этот контраст духовной силы и физической слабости...

Помню его Пата в эстрадном трио «Пат, Паташон и Чарли Чаплин», то была изящнейшая артистическая эксцентрика — легкая и чуть печальная. И потом, совсем скоро, его первую «настоящую» роль на театре — Дон Кихота (к которому он впоследствии многажды обращался, и эти обращения уже сами по себе есть история советского искусства, биография замечательного артиста) в пьесе А. Бруштейн и Б. Зона, созданной на основе великого романа Сервантеса... Бывают разные актерские удачи: удача, когда актер вложил в роль все, что мог, и, быть может, сделал больше, чем мог, — и другая, когда зритель чувствует, что у артиста есть еще впереди огромное пространство, огромные возможности, что эта его удача не предел его сил и достигнута легко. Успех Черкасова в «Дон Кихоте» Ленинградского ТЮЗ'а был этого второго рода. Он оставлял в нас чувство ожидания...

И вот через несколько лет мы встречаемся на Невском, и Коля Черкасов достает из кармана фотографии кинопроб Полежаева, мимо нас течет народ, мчатся машины, вокруг шумит город, а он не видит кругом никого и говорит мне: «Боря, так хочется сняться в этой роли... Неужели не возьмут?!»

Я всегда знал за ним эту прекрасную робость, этот трепет перед искусством, неуверенность в себе, которая никогда не свойственна профессионалам средней руки... И как же я был счастлив, когда увидал его Полежаева уже на экране!

Я не перечисляю других его ролей, они всенародно, всемирно известны.

Николай Константинович Черкасов представлял собой новый, советский тип артиста. Сейчас много уже есть у нас **общественных** артистов, не просто талантливых, не просто увлеченных своей профессией деятелей искусства, которые приходят в театр, на съемочную площадку и репетируют, играют, отдаваясь своему делу целиком, но таких, которые относятся к нему гражданственно, ответственно, отдают себя великой идее воспитания человека искусством. Черкасов был среди таких одним из первых. Он писал в статье об актерском деле, очень точно им названной «Любовь, тревога, радость» (кстати, она появилась на страницах еженедельника «Литературная Россия»): «Я вижу, как сегодня сформировались те новые поколения актеров, для которых работа в искусстве есть форма наиболее активного участия в общественной жизни, участия в объединенных усилиях народа, строящего новый мир». Он сам был именно таким актером, дорогой Николай Константинович Черкасов...

Мне рассказывали земляки-ленинградцы, что молодежь стояла вдоль всего последнего пути артиста — из Театра имени Пушкина в Александро-Невскую лавру. Никто не просил их об этом — они сами приняли на себя почетную траурную вахту...

Я горжусь, что был товарищем Николая Черкасова, что мог обратиться к нему по имени, нежно и просто, что он делился со мной замыслами и планами, которыми всегда полна была смелая и талантливая его голова.

Его некролог подписали руководители партии и правительства, и это знаменательно: умер артист — строитель Советского государства, общественный деятель, коммунист, гражданин, благородный большой человек, рыцарь театра. Его светлое имя всегда будет символом щедрости, правды, простоты, глубины и мощи высокого искусства.

Борис СМИРНОВ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии